

Гений России и Франции

31 октября 2012 года исполнилось 120 лет со дня рождения великого русского шахматиста Александра Алехина. Десятки статей, биографий, исследований, казалось бы, не должны оставить неясностей в судьбе русского шахматного гения.

Однако история его жизни по-прежнему порождает немало вопросов. Вопросы, которые неизбежно возникают, стоит отойти от традиционных клише. Гроссмейстер Илья Смирин и бизнесмен Андрей Филатов, спонсор последнего матча на первенство мира по шахматам в Третьяковской галерее, рисуют непарадный портрет четвертого чемпиона мира.

За три дня до исхода 20 века, 28 декабря 1999 года ураган вдруг обрушился на предместья Парижа. Он пронесся над Монпарнасским кладбищем и разметал с особым рвением одно надгробье. На барельефе – профиль четвертого чемпиона мира из белого каррарского мрамора. У подножья памятника – шахматные клетки. Рядом с крестом – надпись золотыми буквами: «Александр Алехин. Гений шахмат России и Франции...».

Александр Алехин родился в богатой дворянской семье. Его отец был крупнейшим землевладельцем в Воронежской губернии, предводителем дворянства, членом Государственной Думы. Мать Алехина происходила из семьи известных московских фабрикантов Прохоровых. Будущий чемпион мира получил аристократическое воспитание и блестящее образование, с детства знал несколько языков – для многих русских аристократов французский был языком домашнего общения.

Шахматы рано заняли ключевое место в его жизни. Сохранились воспоминания Г. Римского-Корсакова, сидевшего с Алехиным за одной партией в Императорском училище Правоведения.

«Он настолько исключался из окружавшей его среды, что не всегда ясно сознавал, где он находится и какой идет урок. Бывало, вдруг начнет вставать из-за парты. Класс затихал и напряженно ждал, что будет дальше. Постояв немного с растерянным видом и покрутив свой рыжий чуб, Алехин вдруг издавал радостное «Ага!», быстро хватал ручку и записывал придуманный ход.

... Учился Алехин отлично. Когда и как он готовил уроки, не знаю. Но он обладал исключительной памятью, и ему достаточно было на перемене заглянуть в учебник, чтобы запомнить заданный урок. Конечно, никаких объяснений преподавателей он не слушал, будучи углублен в свои шахматные ходы».

В 1914 году, в 22 года Алехин был уже именитым маэстро, который занял третье место в международном турнире в Санкт-Петербурге, после чемпиона мира Ласкера и будущего чемпиона Капабланки. Однако сосредоточиться только на шахматах – о чем, наверняка, мечтал – Алехин не мог.

Брусиловский прорыв

Начало Первой мировой войны застало Алехина в Мангейме, где проходил турнир мастеров Германского шахматного союза. Вместе с другими участниками соревнования из враждебных государств Алехин был задержан и интернирован из Германии. Это было первое знакомство Алехина с тюрьмой и войной.

В России, куда шахматист вернулся окружным путем, он не подлежал призыву в армию из-за болезни сердца. Однако в силу воспитания и характера он не мог оказаться вне патриотического порыва, охватившего российское общество в начале Первой мировой войны. Он начинает работать в Комитете по оказанию помощи больным и раненым воинам, а летом 1916 года, несмотря на состояние здоровья, уходит на фронт добровольцем. «Шахматный вестник» (№ 19–20, за 1916 год) так описывал обстоятельства получения Алехиным государственных наград:

«На позициях А.А.Алехин самоотверженно оказывал помощь раненым, часто под неприятельским артиллерийским и пулеметным обстрелом, и награжден за это двумя Георгиевскими медалями. Однажды он вынес с поля боя раненого офицера, за что представлен к ордену св. Станислава с мечами. ...Оказывая раненым помощь в наиболее опасных местах, Алехин был дважды контужен, причем второй раз настолько серьезно (в спину), что ему пришлось пролежать в госпитале г. Тарнополя несколько недель...».

Не слишком ли много - три награды за такой короткий срок? Чтобы понять это вспомним обстоятельства, при которых награды были получены. Знаменитый «Брусиловский прорыв» стал важной вехой в истории Первой мировой. Наступление началось по всей линии фронта, не оставалось буквально ни одного метра земли, на котором не шли бы кровопролитные бои.

И все же период службы Алехина известен недостаточно. Человек из знатной семьи, достаточно известный шахматный маэстро вдруг оказался в гуще дикого военного противостояния. Что пережил он, оказавшись в этой мясорубке? И как повлияла война на формирование его личности? Об этом можно строить гипотезы, основываясь на книгах Моема, Хемингуэя, Ремарка – ровесников Алехина, которые участвовали в первой мировой войне, а затем описали эти страшные события.

Одесские тайны и московские версии

Вернувшийся в Москву Алехин был приписан к правовому отделу Министерства иностранных дел. После октябрьской революции он потерял состояние и дворянство. За несколько месяцев до этого, в мае 1917, умер его отец.

Начался сложный период в жизни будущего чемпиона, но он продолжал играть, несмотря на голодное и жестокое время. В этот период Алехин поразительно смело разъезжает по охваченной смутой России. В мае 1918 года он выступает в Архангельске, осенью в Киеве, затем – в Одессе. Возможно, шахматные гастроли спасали его от ощущения крушения

привычного мира. Он путешествовал из города в город, давал сеансы игры вслепую, играл на деньги.

Атмосфера Одессы тех лет гениально передана в «Окаянных днях» И. Бунина. В популярном шахматном кафе Робина играли на ставку, и эта игра продолжилась даже после того, как власть в городе окончательно перешла к большевикам – 6 апреля 1919 года. Считается, что именно в шахматном кафе Алехин был арестован сотрудниками ЧК. Говорят, сработал донос одного из недоброжелателей, возможно, какого-то местного игрока.

Попасть в ЧК было тяжелейшим испытанием. В особенности - для потомственного дворянина, сына члена Государственной Думы. Спасение Алехина в революционной Одессе стало почти что чудом.

Об этом спасении написано немало, но точных фактов по-прежнему не хватает. Говорили о роли Троцкого, Мануильского, Раковского (это все видные деятели Октябрьской Революции)... Скорее всего, спасли Алехина шахматы, точнее - его шахматная известность: разные стороны революционного конфликта испытывали уважение к известному маэстро. Сам Алехин не любил рассказывать об этом эпизоде, отмалчивался. Если он и не принимал революционной действительности, то философски осознавал себя песчинкой глобальных исторических процессов, частью которых волею судьбы оказался.

После освобождения бывший дворянин начал работать в Одесском губернском исполкоме. В августе 1919 года он перебрался в Москву и поступил на актерские курсы к Госкиношколу, но уже в мае 1920-го перешел на должность следователя московского Центрального следственно-розыскного управления главного управления милиции. Свободно владеющий английским, французским и немецким языками, Алехин занимался перепиской с наркоматом иностранных дел по вопросам розыска иностранцев, пропавших в России во время революции и гражданской войны.

Необходимость служить и зарабатывать на хлеб отвлекали от шахматного призвания. Он продолжает играть в шахматы, занимает первое место во Всероссийской Олимпиаде в Москве (впоследствии названной первым чемпионатом СССР), но условия жизни в изолированной, разоренной революцией стране не дают возможности сконцентрироваться на игре.

Осенью 1920 года Алехин вновь меняет место службы и поступает переводчиком в информационно-организационный отдел Коминтерна, где и знакомится со своей будущей женой, 42-летней социал-демократкой из Швейцарии, журналисткой Анной-Лизой Рюэгг. Брак их будет недолговечным, сын вырастет без отца. Но семейный вкус маэстро останется неизменным – с удивительным постоянством он будет выбирать в жены заботливых дам много старше себя.

После свадьбы Алехин пытается выехать в Париж. За три послереволюционных года он сменил несколько профессий, дважды становился жертвой доносов, сидел в тюрьме, чудом остался жив. Гордый человек, осознающий свой выдающийся шахматный талант, он почти лишен

возможности играть в шахматы. Наконец разрешение на выезд подписывает Лев Карахан, заместитель народного комиссара иностранных дел.

Уже в 1921 году приходят победы: в Триберге, Будапеште, Гааге. Главная цель – Капабланка, только что ставший чемпионом мира. Год спустя Алехин занимает второе место в лондонском турнире – сразу после гениального кубинца. Вскоре вторым домом русского гроссмейстера станет Париж. Алехин долгое время будет оставаться занковой фигурой для русской эмиграции. Любопытно, что часть своего времени гроссмейстер решил посвятить защите докторской диссертации. Известна и тема: «Система тюремного заключения в Китае». Защитил ли он ее действительно? В архивах Сорбонны никаких доказательств не обнаружено, но это не мешает ему прибавлять к своему имени приставку «доктор». Интеллектуально Алехин, безусловно, мог именоваться доктором – он намного превосходил уровень среднего человека.

Гражданин Франции

Французское гражданство Алехин получил только в 1925 году. В том же году в России Исполнительное бюро Всесоюзной шахматной секции «не сочло возможным вступить в какие-либо переговоры с Алехиным об участии его в международном турнире в Москве, считая этого мастера чуждым и враждебным советской власти элементом...». Незаметное для широкой публики, это решение стало ударом для Алехина.

Зигзаги и удары судьбы не должны заслонять главного – титанической битвы за звание чемпиона с Хосе Раулем Капабланкой, которого называли «человеком-машиной». С 1916 по 1924 Капабланка не проиграл ни одной партии (!). чтобы одолеть непобедимого кубинца, Алехин проделал огромную работу по гармонизации своего стиля, резко прибавил в мастерстве разыгрывания эндшпиля и так называемых «простых» позиций.

Сложности были не только творческие. Претендент должен был найти деньги на матч, огромные по тем временам – 10 тысяч долларов. Алехин добывает средства эффектными аттракционами игры вслепую: в 1924 году он сыграл одновременно 26 партий, а через год побил свой личный рекорд – 27! «По-видимому, Алехин обладал самой замечательной шахматной памятью, которая когда-либо существовала» (Капабланка). Он провел сеанс одновременной игры с аэроплана, играл партии, в которых роли фигур на огромной доске выполняли артисты.

Но и этого было недостаточно. Алехин сводит дружбу с послом Аргентины во Франции Марсело Торкуато де Альвеаро, большим любителем шахмат. В 1927 году бывший посол станет президентом Аргентины и выделит деньги на исторический матч в Буэнос-Айресе. Вскоре после начала у Алехина началось воспаление надкостницы. Александр Александрович потребовал у доктора удалить ему сразу несколько зубов. Боль стихла – и Алехин продолжил играть. «Человек-машина» был повергнут в марафонском состязании $+6 = 25 -3$. после объявления о сдаче Капабланкой 34-й партии Алехина на руках проносят по улицам Буэнос-Айреса. Со всего мира в Буэнос-Айрес летят поздравительные телеграммы. После победы новый

шахматный король с триумфом возвращается в Париж. Русский Париж рукоплещет, Куприн посвящает своему другу восторженный очерк «Шахматы»: «и какое величие быть королем, властвующим не по правам престолонаследия и не по случайности плебисцита, а в силу остроты своего ума».

Последствия этого триумфа были неожиданными. Гениальный тактик за доской, в жизни Алехин не раз попадал в почти неразрешимые ловушки, из которых не находилось удачного выхода. В честь победы нового чемпиона был устроен банкет в русском клубе. На следующий день в некоторых эмигрантских газетах вышли статьи, где цитировалась речь чемпиона, который желал, чтобы «...миф о непобедимости большевиков развеялся, как развеялся миф о непобедимости Капабланки». Алехин никак не комментировал публикации, не подтверждал и не опровергал. Советы же отреагировали быстро и бурно.

«После речи Алехина в Русском клубе с гражданином Алехиным у нас все покончено – он наш враг, и только как врага мы отныне должны его трактовать», – пишет Н. Крыленко в «Шахматном листке».

Еще один удар, уже ниже пояса – в этом же журнале публикуется заявление брата Алексея: «Я осуждаю всякое антисоветское заявление, от кого бы оно ни исходило, будь то, как в данном случае, брат мой или кто-нибудь другой. Алексей Алехин». Алехин отлично понимал, как добиваются в большевистской России подобных заявлений.

После завоевания титула Алехин одерживает серию блистательных побед – из десяти международных турниров, в которых чемпион сыграл до конца 1933 года, он занял чистое первое место в восьми, а в двух оставшихся разделил победу. Особенно впечатляющими были первые места в Сан-Ремо (1930 год, 14 очков из 15) и в Блесе – отрыв от второго места составил пять с половиной очков – непревзойденный по сей день рекорд!

При этом личность чемпиона и стиль его игры, темперамент за доской и вне ее очень мало совпадали. Настоящий тигр на шахматной доске, мастер атакующего стиля и эффектных комбинаций – и прагматичный, закрытый, рассудочный, не нуждающийся в друзьях человек, который даже не интересуется сыном от второго брака.

Лев Любимов в своих воспоминаниях «На чужбине» так описывает великого мастера: «Алехин производил впечатление сильного, волевого человека. Он умел говорить умно, с весом, но в речи его всегда проскальзывало невольное раздражение. Да, несомненно, что-то в его судьбе постоянно раздражало его. Вдохновлялся по-настоящему, когда говорил о шахматах, причем если собеседник был иностранец, всегда подчеркивал, что самая высокая шахматная культура в Советском Союзе...

Алехин был, конечно, человеком больших страстей, но чужбина, сознание, что он не у себя, что только в том же «родном доме», о котором тосковал Бунин, его могли бы признать по-настоящему, и в то же время какое-то малодушие, мешавшее ему решительно признать ошибочность

своей разлуки с родиной — все это надломило его, лишило внутренней опоры...».

Как многие эмигранты, он глубоко переживал разрыв со своей страной и стремился восстановить связи с СССР. В конце 1935 года во время матча с Эйве в газете «Известия» была опубликована телеграмма – «искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции. Алехин». Эмигрантские газеты реагировали на это послание недоброжелательно, злословили, утверждали, что Алехина «подговорил» Михаил Ботвинник, которого чемпион мира действительно очень уважал.

В 1936 году Алехин дважды обращается в редакцию шахматного журнала «64»: «27.VII.1936 г. В редакцию «64». Мне будет глубоко радостно посредством сотрудничества в вашем журнале после столь долгих лет опять принять посильное участие в шахматном строительстве СССР. Пользуюсь случаем, чтобы от всего сердца послать привет новой, стальной России. А. Алехин».

И второе письмо: «Лондон, 1. IX. 1936 г. В редакцию «64». В связи с вопросом о возможности моего сотрудничества в Вашем журнале считаю своим долгом сделать следующее заявление: 1. Для меня было бы огромной радостью вновь принять посильное участие в шахматном строительстве СССР. 2. Надеюсь, что мои ошибки в прошлом, ныне вполне осознанные, не окажутся непреодолимым препятствием к названному участию...

Я тем глубже жалею об этих ошибках, что за последние годы равнодушное отношение мое к гигантскому росту советских достижений превратилось в восторженное. Доказать это отношение на деле было бы, повторяю, мне величайшим удовлетворением. А. Алехин».

В этих посланиях чувствуется не только тоска по Родине, но и понимание того, что именно в СССР шахматы, дело всей его жизни, получили наибольшее развитие. В это время его коллеги, выдающиеся западные маэстро, регулярно посещали Москву, принимали участие в турнирах. Чемпион мира Ласкер спасался в столице СССР от постепенно поедающей Европу коричневой чумы. Многие знаменитые эмигранты возвращаются – среди них и приятель писатель Куприн, и гениальная поэтесса Цветаева, и выдающийся композитор Прокофьев.

Алехин уже немолод, потребность увидеть Россию гложет его. В 1939 году был подписан договор о его матче на мировое первенство с лучшим шахматистом СССР, «железным» Михаилом Ботвинником. С советской стороны проведение матча обеспечил лично Сталин. Играя в Москве, Алехин хотел реабилитировать себя перед Советской властью и облегчить положение живущих в России брата и сестры. Но карты вновь смешались, началась Вторая мировая война.

Коллаборационист или жертва?

Вторжение в Германии в Польшу совпало шахматной Олимпиадой в Аргентине. Через прессу и по радио Алехин призвал к бойкоту немецкой команды. Будучи гражданином и человеком долга, он следовал своим убеждениям.

В 1940 году, вернувшись во Францию, Алехин вступил во французскую армию. Как и в 1916 году, он пошел добровольцем и служил переводчиком в звании сублиейтенанта в военной разведке. Быстрое окончание военных действий между Германией и Францией положило конец и военной службе Алехина.

В оккупированном Париже он вынужден сотрудничать в роли шахматного обозревателя в газете «Паризер цайтунг» («Parizer Zeitung»), которая позже сыграет скверную роль в его жизни. Стремясь обезопасить себя и семью, Алехин ходатайствует о выезде из Франции, но получает отказ. Вскоре стало понятным, на каких условиях Алехин и его жена могут существовать под присмотром оккупантов – от чемпиона требовали продолжать турнирную практику на германских территориях. Кроме того немецкие власти «предложили» опубликовать ряд шахматных статей.

В 1941 году в «Паризер цайтунг» появляется статья «Арийские и еврейские шахматы» (с общим подзаголовком «Основанное на шахматном опыте психологическое исследование чемпиона мира по шахматам д-ра Алехина, показывающее отсутствие концептуальной силы и смелости у евреев»). Этих отвратительных статей ему не простили до конца жизни, хотя авторство Алехина документально не установлено до сего дня. Алехин объяснял, что тексты были исправлены и обильно дополнены профашистским редактором, а сам он ничего подобного не писал. Однако после войны почти никто не хотел его слушать. В вину чемпиону вменялось участие в соревнованиях, организованных нацистским Шахматным союзом, а также сотрудничество с русской эмигрантской антикоммунистической газетой «Новое слово», издававшейся в Берлине и поддерживавшей власовцев (в «Новом слове» Алехин тоже вел шахматную колонку).

В 1943 году Алехин, которому «покровительствовали» нацисты, смог-таки выбраться из Франции. Испания и Португалия стали для него прибежищем. Казалось, что временным...

Что же касается антисемитских статей, то здесь разговор особый. Весь жизненный путь Алехина говорит о том, что он испытывал искреннее уважение к коллегам по игре, среди которых было очень много евреев.

После войны ультиматум Американской шахматной федерации, обвинившей Алехина в коллаборационизме, лег в основу его обструкции. Как пишут историки, «... поверили Алехину те, кому было выгодно верить, а не поверили те, кому выгодно было не верить».

Не миновал этой участи и пятый чемпион мира Макс Эйве – под его председательством начинает работать комитет по расследованию сотрудничества Алехина с нацистами. Члены комитета требовали лишить Алехина звания чемпиона, отлучения его от соревнований, отказа в публикации его шахматных статей. По-видимому, «прополка» шахматного поля была направлена еще и на то, чтобы распорядиться званием чемпиона мира без схватки за шахматной доской.

Только в СССР не спешили с обвинениями. Более того, назначили чемпионский матч между Алехиным и Ботвинником на август 1946 года.

Наконец-то Родина поддержала своего чемпиона! Израненная Россия, которая вышла победителем самой страшной войны в истории и которая больше других стран имела право судить о том, что возможно, а что невозможно для людей, оказавшихся в положении Алехина. Четвертый чемпион мира принял известие о матче с огромным воодушевлением. В его безрадостной послевоенной жизни появилась надежда. Появилась – и ушла вместе с самой жизнью. Алехин скоропостижно скончался, и до конца непонятные обстоятельства его смерти продолжают волновать историков и журналистов.

Чтобы понять положение Алехина имеет смысл обратиться к письму, которое он направил в 1945 году организаторам Лондонского международного шахматного турнира. Вот наиболее важные выдержки:

«...Первое из того, о чем вы меня информировали, — это круг вопросов, касающихся голословно приписываемых мне симпатий во время войны к немцам. Каждый, кто не скован предубеждением, должен бы понять мои действительные чувства к людям, которые взяли у меня все, что составляет ценность жизни: разрушили мой дом, разграбили замок моей жены и все, чем я обладал, и, наконец, украли даже мое честное имя.

Посвятив всю свою жизнь шахматам, я никогда не принимал участия в чем-либо, не имеющем прямого отношения к моей профессии. К несчастью, всю мою жизнь — особенно после того, как я завоевал мировое первенство по шахматам, — люди приписывали мне совершенно абсурдные политические взгляды.

Около двадцати лет я ношу прозвище «белого русского», что мне особенно больно, так как это делало для меня невозможным связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить ее и восхищаться ею.

Наконец, в течение 1938–1939 г.г., я надеялся в результате переговоров и переписки с чемпионом СССР Ботвинником положить конец этой нелепой легенде путем организации в Советском Союзе матча между нами, который был практически решен. Но разразилась война, и вот после ее окончания я нахожусь здесь, заклеянный оскорбительным эпитетом «пронацист», обвиняемый в коллаборационизме и т. д., и т. п.

...Эйве вообще был так убежден в моей «влиятельности» у нацистов, что написал мне два письма, в которых просил меня предпринять шаги, чтобы облегчить судьбу бедного Ландау и моего друга Оскама. На самом деле и в Германии, и на оккупированной ею территории мы с женой были под непрерывной слежкой и угрозой концентрационного лагеря со стороны гестапо, так что Эйве, как и многие другие, глубоко ошибается.

...Я играл в шахматы в Германии и в оккупированных ею странах только потому, что это было нашим единственным средством пропитания и, кроме того, — ценою, которой я платил за свободу моей жены. Возвращаясь мысленно к тому положению, в котором я очутился четыре года назад, я могу лишь констатировать, что и сегодня должен был поступить точно так же. В нормальные времена моя жена имела средства и могла заботиться о себе, но не в военное время и не в руках нацистов. Повторяю:

если голословные утверждения о моем «коллорационизме» опираются на мое вынужденное, временное пребывание в Германии, я ничего не могу добавить: моя совесть чиста!

Другая возможность, что эти голословные обвинения против меня основаны на статьях, появившихся в «Паризер цайтунг». Против этого я могу решительно возразить. В течение трех лет я хранил молчание. Но при первой же возможности я, дав интервью, изложил имевшие место факты в их правильном освещении. В этих статьях, которые появились в 1941 году во время моего пребывания в Португалии и с которыми я познакомился уже в Германии из их перепечатки в «Дойче шахцйтунг», не было почти ничего, написанного мною.

...Моя преданность шахматному искусству, уважение, которое я всегда высказывал по отношению к таланту моих коллег, короче, вся моя предвоенная профессиональная жизнь должна заставить людей понять, что измышления «Паризер цайтунг» были фальшивкой.

Я жалею, что лишен возможности приехать в Лондон, чтобы лично подтвердить все вышеизложенное.

А. АЛЕХИН, Мадрид, 6 декабря 1945 г.».

Гений и гражданин

Если постараться суммировать события, произошедшие с Алехиным за четверть века эмиграции, можно сказать, что он был полностью погружен в шахматы и пытался уйти от того, что мешало ему творить. Однако тоска по Родине была присуща ему, как многим великим русским эмигрантам. Он не маскировал этой тоски, охотно и по первому зову шел на контакт с советскими эмиссарами. Постепенно и в Советском Союзе поменялось общественное мнение, и поменялось кардинально, от «Алехин – наш враг» до «Алехин – наш первый чемпион». К несчастью, он не дожил всего нескольких месяцев до матча, который мог бы вновь связать его с Родиной.

23 марта 1946 года – после закулисных обсуждений и переговоров – ФИДЕ официально приняла решение о матче Алехина с Ботвинником, но уже 25 марта утром чемпион был найден мертвым в своем гостиничном номере. Пожилой маэстро сидел в кресле у столика с расставленными шахматами.

Александр Алехин был по сути одиночка, закрытый и сложный человек, возможно, полностью доверявший только любимому сиамскому коту. Могло ли быть иначе, если представить, какие испытания судьбы выпали на его долю? Великие шахматисты обычно не отличаются простым характером, но кто из них перенес столько вне шахматной доски? Алехин потерял Родину и семью, а после потерял и Францию, ставшую вторым домом. Он дважды сидел в тюрьме и дважды воевал с немцами – оба раза добровольцем! А в конце жизни оказался клеймен как коллаборационист. Ему рукоплескал мир, но в конце жизни Алехин вынужден был едва ли не побираться, не хватало денег на еду и курево. Когда впереди появилась надежда исправить если не все, то многое – жизнь его внезапно оборвалась.

Находясь вдали от России, Алехин всегда подчеркивал, что был и остается русским человеком. За три года до смерти Алехина в США скончался еще один русский, которого знает весь мир – Сергей Рахманинов. Ему принадлежат слова: *«Я – русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера, и потому это русская музыка...»*.

Думается, Александр Алехин мог бы сказать нечто подобное о своих партиях.